

Пугачев

Пугачев, (Пугач, Емелька) — центральный персонаж повести А.С. Пушкина «Капитанская дочка», новый тип героя русской прозы, вождь антидворянского восстания, литературный «двойник» реального Емельяна Пугачева, изображенного в пушкинской хронике «История пугачевского бунта» (1836). «Тот» Пугачев — бессмысленно жесток, как всякий кровавый вождь обезумевшей стихии, и только. Образ «великого государя» «Капитанской дочки» многогранен: Пугачев то злобен, то великодушен, то хвастлив, то мудр, то отвратителен, то всевластен, то зависим от окружения. Он связан не только со страшными событиями екатерининской эпохи, но и полувымышленными событиями пушкинской повести; зависит не только от расстановки социальных сил, но и от расстановки сил сюжетных. Пушкин последовательно соотносит образ народного вождя с образами дворянских генералов, с образами «людей из толпы», даже с образом Екатерины II; но главное сопоставление — все-таки с образом Петруши Гринева, обычного человека, действующего в великой истории.

Пугачев неотделим от стихии; он вызывает ее к жизни, он ведет ее за собою — и в то же время подчиняется ее безличной власти. Потому впервые на страницах повести он появляется во время снежного бурана, как бы рождаясь из самой его сердцевины. Герои (Гринева и его слуга Савельич) бессильны против буйства непогоды; они заблудились; снег заметает их, но внезапно появившийся чернородый казак (сюжетный аналог запорожца Кирши в «Юрии Милославском») говорит: «Дорога-то здесь, я стою на твердой полосе». В том и дело, что твердая полоса Пугачева — это беспутье; он — проводник, *дорожный бездорожья*; он выводит путников по звездам — и его собственная звезда ведет его по историческому пути.

Пушкину настолько важно раз и навсегда связать образ Пугачева с величественно-смертоносной символикой снега, что он легко поступает реальной хронологией. Страшный буран происходит в самом начале сентября; это не до конца правдоподобно, зато работает на построение образа и сюжета, дает возможность Петруше пожертвовать для Пугачева заячий тулупчик — в благодарность за «путеводство» и просто из человеческого сочувствия к казаку, в холода пропившему свой тулуп. И затем Пугачев неизменно будет появляться в сопровождении зимнего пейзажа; и как иначе, если он свалился на Российское государство как снег на голову? Точно так же дворянский мир последовательно связывается в повести с символикой осени, очаровательной, легкой, ненадежной, предсмертной. В то самое время, как в Белогорской крепости, взятой Пугачевым, свирепствует снежная зима, в Оренбурге, отстоящем всего на 40 км, еще угасает осень; генерал, которому поручено защищать город от восставших, подвязывает яблони соломой, чтобы сохранить их от мороза; точно так же дряхлеющее дворянство хочет «подстелить соломку» Пугачеву, закрыться от его молодой, холодной силы. И в финальной сцене свидания Маши, невесты Гринева (арестованного по обвинению в содействии Пугачеву), с императрицей Екатериной Пушкин окружает героинь пейзажем ранней осени с ее «свежим дыханьем».

Центральная проблема повести — проблема человеческой свободы перед лицом исторических обстоятельств. Именно поэтому Пугачев показан не глазами приближенного (иначе то была бы лубочная картинка с великим государем, торжествующим властелином судьбы — как в полуполюгендарных отзывах пугачевцев о своем вожде). И не глазами опытного дворянского историка (тогда получилась бы карикатура на самозванца — как в официальном извещении о Пугачеве, которое «объявляет» комендант Белогорской крепости). Пугачев показан глазами простого и частного дворянина, который никогда

не примет бродягу за «Петра Феодоровича III», но и не станет искусственно снижать образ, чтобы встроить его в готовую идеологическую конструкцию. Кроме того, действие повести начинает разворачиваться в 1773 году, а это дает возможность показать Пугачева не только во время, но и до восстания, когда за ним не тянется еще шлейф ярко описанных преступлений. Как только герои выбираются из бурана, читатель (с «помощью» Гринева) видит перед собой сорокалетнего мужика, среднего роста, худощавого, широкоплечего, с проседью в черной бороде, с бегающими глазами, приятным, но плутовским выражением лица. Ничего «мистического», «избраннического» в этом облике нет; потому особенно комичным покажется читателю более поздний рассказ рядового казака о том, как «государь» по-царски скушал двух поросят и показывал в бане свои царские знаки на грудях. В центре сюжета — умеренно умный авантюрист, чья судьба отнюдь не предрешена; то, что именно он вскоре станет во главе грандиозных исторических событий, — во многом случайность.

Вторая встреча с Пугачевым, во взятой им Белогорской крепости, дает иной образ. Гринев, ожидающий казни, видит перед собою самозванца, восседающего в креслах, одетого в красный казацкий кафтан, обшитый галунами; затем на белом коне, в окружении «енералов». Это — персонаж исторического маскарада, на котором вместо клюквенного сока проливают человеческую кровь. И даже то, что Пугачев милует боярского дитя-тю Гринева благодаря заступничеству его крепостного слуги (которого «государь» не мог не вспомнить — ибо Савельич назойливо защищает «имущественные права» барчука) поначалу кажется не проявлением обычного человеческого чувства, а всего лишь подражанием «царскому жесту». (И потом Пугачев не раз будет по-царски повторять: казню так казню, милую так милую.)

Лишь во время третьего «свидания» Пугачев раскрывается до конца. Гринев присутствует на казачьем пиру; замечает, что черты пугачевского лица скорее приятны и совсем не свирепы; слышит его любимую песню («Не шуми, мати зеленая дубровушка»), догадывается, что сквозь сюжет этой песни проступают линии судьбы самого крестьянского вождя. (Православный царь вопрошает «детинушку, крестьянского сына», с кем тот воровал, «с кем разбой держал» и в конце концов «жалует» его виселицей.) Разговор наедине подтверждает это: «великий государь» понимает, какую опасную игру затеял, но надеется: «А разве нет удачи удалому?» И когда наутро он не только принимает «счет», выставленный Савельичем за разграбление барского имущества, но и жалует отпущенному Гриневу тулуп — это не только и не столько «царский жест», но и движение души: долг платежом красен.

Собственно, лепка образа завершена; далее при встрече с Гриневым Пугачев будет лишь поворачиваться то одной («авантюрной»), то другой («самозванческой»), то третьей, главной («человеческой») стороной, еще и еще раз подтверждая то, что читатель о нем и так уже знает. Золотая бумага, которой оклеены стены его избы («дворца»), притворная важность, хвастливый вопрос, какой задаст он Гриневу по пути в Белогорскую, — мог бы с ним потягаться король прусский «Федор Федорыч» — напоминают о самозванческой психологии Пугача; неоднократные упоминания о Гришке Отрепьеве; сказка об орле и вороне (лучше жить тридцать лет, чем триста лет питаться падалью) — напоминают о его авантюрном уме и характере; веселая готовность поучаствовать в вызволении гриневской невесты из лап дворянина-пугачевца Швабрина; предложение стать посаженным отцом на их свадьбе — не дают забыть о естественной человечности, которая, несмотря ни на что, живет в разбойной душе Пугачева Недаром у Гринева рождается пламенное желание вырвать его из среды злодеев!

Но именно этот порыв обнаруживает главное противоречие пугачевской судьбы. Если Пугачев — вождь, зачем его «вырывать из среды» злодеев, которыми он безраздельно властвует? А если он не властвует ими, если зависит от них, то какова же его роль в истории, в восстании? Какова мера его свободы? И тут Пушкин как бы ставит героя

перед своим любимым парадоксом. Царская власть предполагает право властителя поступать по своему усмотрению. Закон ограничивает нижний предел его воли. То есть не позволяет быть жестоким сверх разумной меры, сверх справедливости. Но властитель ничем не ограничен в своем праве миловать, прощать, награждать. Пугачев, каким он изображен в повести, пытается действовать до конца по-царски; он действительно дважды отпускает Гринева, не дает в обиду капитанскую дочь Машу Миронову. Но уже в сцене «дворца», оклеенного золотой бумагой, очевидно колоссальное влияние, какое имеют на него «господа енералы» — звероподобный капрал Белобородов и разбойник Афанасий Соколов, прозванный Хлопушей. Пугачев должен опасаться и своих «казачков», и дворян, перешедших на его сторону. Сообщая Гриневу, что «ребята» смотрели на него косо, а старик Белобородов настаивал на пытке, Пугачев вынужден понизить голос — чтобы не услышал сопровождающий их татарин. (А заодно верный слуга Савельич, которого вождь тоже несколько побаивается.) Разбойник волен идти на Москву — ибо этого же хочет войско; но миловать он должен с оглядкой. Власть, которую он присвоил, не ограничена законом, но ограничена жестокостью бунта. Пугачев свободен ровно до того предела, за которым открывается истинная беспредельность власти в пушкинском ее понимании.

Чтобы подчеркнуть эту мысль, Пушкин выстраивает параллель Пугачев — Екатерина. Как Петруша Гринев прибегает к помощи Пугачева, чтобы выручить невесту, так его невеста в конце концов прибегает к помощи Екатерины, чтобы спасти жениха. Царица изображена в простодушно-сентиментальных тонах, в стиле гравюры. В ней нет пугачевского величия, необузданной силы; читатель должен помнить, что способ, каким она пришла к власти, был столь же незаконным, сколь и пугачевская попытка овладеть страной. (Поэтому первоначально ранняя отставка отца Гринева объяснялась именно «неучастием» в екатерининском перевороте 1762 года). Но то, насколько свободно милует она Гринева, насколько самостоятельна и независима в своем царственном праве прощать, выдает в ней истинную государыню. (И ее прощение в конечном счете совпадает с духом и буквой закона, ибо Гринев сохранил верность присяге, допустив лишь мелкие отклонения от устава.) Именно это делает властителей властителями, а не царские знаки и даже не «законность» воцарения сама по себе. Пугачев такой свободой обладает не вполне; значит — он не вполне и господин своего положения. Вызывая к жизни социальный буран, зная дорогу сквозь него по счастливой звезде, он с этой дороги свернуть не может. Не он управляет стихией, и не стихия им; просто они друг от друга уже неотделимы. Ее угасание, усмирение бунта, равнозначно его смерти. Приписка «издателя» к запискам Гринева, от чьего лица ведется повествование, сообщает, что Пугачев узнал в толпе некогда спасенного им дворянина «и кивнул ему головою, которая через минуту, мертвая и окровавленная, показана была народу».